

ВЕЛИКИЙ ПЕВЕЦ ГУМАНИЗМА*

Академик И. А. ОРБЕЛИ

В Грузии многие знают наизусть хотя бы какой-нибудь из разделов поэмы Руставели «Витязь в барсовой шкуре». Не знаю, можно ли вообще назвать пример такой исключительной популярности художественного произведения, хотя бы даже самого высокого, как поэма Руставели.

Несколько позже это можно наблюдать в Иране, где имя Фирдоуси было всегда окружено каким-то особым ореолом, но все же не в такой степени, как Руставели в Грузии. Руставели и все, что сколько-нибудь было связано с его поэмой, будь то два стиха, будь то целые страницы замечательных стихов Руставели—все это вошло в быт и в жизнь грузинского народа, в понятия грузинского народа...

В этом оказалась народность Руставели, также как она сказалась в том, что десятки и сотни стихов, отдельных мест поэмы вошли в обиход грузинской речи, сложились в твердо отчеканенные пословицы, поговорки...

О жизни Руставели известно мало. Из самого имени ясно, что фамилия была ему дана по месту происхождения, что он жил и родился на юго-западе Грузии, примерно там, где и ныне существует селение Рустави. Здесь, по-видимому, протекало детство Шота Руставели.

По поэме Руставели, по самому тексту поэмы можно судить, что для своего времени это был высокообразованный человек.

Поэма написана в конце XII века, и, конечно, изображение этих князей, этих рыцарей такими бесконечно добрыми, великодушными, всегда готовыми прийти на помощь, как это делает Руставели,—не вполне отвечало действительности. Рыцари и князья Руставели всегда наделены чрезвычайно благородными свойствами: они светозарны, охвачены только самыми лучшими благородными чувствами и, что самое

* Статья академика И. А. Орбели в свое время была подготовлена к печати проф. К. В. Тревер и Р. Р. Орбели на основании стенограммы прочитанной ученым лекции «Витязь в барсовой шкуре» на Восточном факультете Ленинградского университета от 15 марта 1956 г. В 1966 г. в двух машинописных экземплярах статья была представлена для публикации в качестве предисловия к армянскому изданию поэмы Ш. Руставели, что и было сделано с незначительными редакторскими коррективами (См. *Շոտա Ռուսթավելի, Ընձնանկար: Թարգմանությունը՝ Գևորգ Առաքելյանի. Թարգմանության փորձանշանը ըստ ճշգրտված բնագրի, խմբագրությունն ու ծանոթագրությունները Գաբրիել Մուրադյանի, Երևան, 1966, էջ V—XV*). Недавно редакция «Вестника» получила от проф. И. В. Мегрелидзе сокращенный вариант этой статьи.

любопытное, согласно тексту поэмы, проезд такого князя мимо какого-либо селения, деревни или через город с остановкой на городской площади всегда вызывал бурный восторг всего населения, восхищенные взгляды крестьян, горожан-ремесленников и торговцев, которые, собравшись на городской площади, могли лицезреть этого лучезарного героя...

Все это присуще Руставели как поэту, который изображал князей такими, какими он хотел их видеть, то есть на уровне своей собственной морали и собственного отношения к окружающей жизни и к низовым массам населения Грузии...

Величие творения Руставели измеряется тем, что на всем протяжении, от первого до последнего стиха (если отсечь некоторое количество позднее вставленных четверостиший), поэма представляет собою пример изумительного владения языком, умения использовать все это богатство и при этом поразительную способность найти самые разнообразные формы стиха.

Во вступительных строках поэмы есть целый ряд строк, посвященных, с одной стороны, характеристике любви, к понятию которой Руставели подходит, исходя из самых возвышенных представлений этого чувства, а с другой—пониманию Руставели художественного творчества и стихотворства. Причем, замечательно то, что в четверостишиях, касающихся поэзии и поэта, Руставели особенно подчеркивает необходимость для поэта владеть уздой своего коня, чтобы уметь в процессе игры в чопан, полб, разогнать коня и сразу остановить, дабы не переступить заветной черты, то есть, иначе говоря, владеть в полной мере чувством меры. Это чувство художественной меры у Руставели сильно на всем протяжении поэмы.

Характеристика чувства любви в понимании Руставели интересна и для характеристики его знакомства с иноземными, иноязычными художественными произведениями его времени.

Хотя во вступительных строках Руставели уделяет такое большое внимание вопросу о поэзии, хотя вся поэма насыщена мотивами любви, любви возвышенной, оторванной от земли и от земной суеты—он касается здесь еще одного возвышенного чувства. Это — дружба, верность дружбе и, в связи с этим, побратимство.

При чтении поэмы с начала до конца складывается впечатление, что, хотя основным героем является Тариэл, индийский царевич, путешествующий по далеким странам, полный чувства возвышенной любви к Нестан-Дареджан, чувствуется, что его затемняет фигура другого героя — Автандила, который, будучи влюбленным в царевну Тинатин, в то же время отдает все свои духовные и физические силы долгу своему—служению Тариэлу. Такое воспевание дружбы чувствуется на всем протяжении поэмы, причем этим чувством в большей мере вооружен Автандил по отношению к Тариэлу—и главным героем в представлении и чувствах самого поэта был

Автандил, доведший до самой большой высоты чувства дружбы. Все три героя: Таризл, Автандил и Придон—носители дружбы...

Из человеческих душевных свойств, которые в поэме особенно возвеличиваются, есть еще одно—щедрость. Так, Руставели описывает день, когда царевич Таризл вступает на престол своего отца, в первый же день открывает все сокровища и щедрой рукой раздает несметные богатства. Щедрость воспевается Руставели как овойство, особо высоко характеризующее человека.

Щедрость в таком безграничном восхвалении нам не столь понятна, но это естественно для всего обихода верхушки феодального общества в XII веке и в последующее время, будь то в XIV веке, когда был написан грузинский трактат о распорядках грузинского царского двора, и в предшествующее время при Сасанидах, когда такая щедрость находила отражение в народных оказаниях.

Щедрость — черта, особо украшающая человека, и она должна была быть воспета Руставели. Но Руставели делает еще и замечательный вывод: «Что ты отдал, то твоё, что не отдал, то пропало». Это надо понимать не как евангельский возврат сторицей, а как нечто иное, вытекающее из всей идеологии и миропонимания феодальных владельцев, ничем не ограниченных в возможности пополнения своих сокровищ и упражнявшихся, поэтому, в этом возвышеннейшем овойстве человека.

Из поэмы можно извлечь много очень значительных афоризмов. В истории человечества были личности, с которыми связано представление о кратких формулировках высоких мыслей—это так называемые максимы. Руставели этим свойством обладал в высокой степени. В дни прошлого юбилея была предпринята работа по объединению всех афоризмов-сентенций Руставели, и во весь рост встала исключительно благородная, возвышенная фигура поэта, его необыкновенно высокие устремления во всем, что он писал для воспитания окружающей среды.

Между прочим, очень характерным для нас и для восприятия творчества Руставели грузинским народом является один стих, который также после Великой Октябрьской революции стал хорошо знаком героям, бойцам Советской Армии—стих, в течение короткого времени обошедший все фронтовые газеты. Обычно он переводится не совсем точно, но мысль сохранена: «Лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных дней позор».

С этим стихом Руставели связан ряд легенд, может быть, имеющих под собою известную историческую почву. Мы знаем, что в XVII веке, когда грузинский отряд в одном сражении был окружен врагом, начальствующий над отрядом провозгласил этот стих и вывел весь свой отряд через мощное вражеское окружение... Это запечатлено в грузинской летописи, это—легенда, которая сохранилась в грузинском народе.

В числе сентенций Руставели есть и такие, в которых выражается его восприятие судеб мира,—когда он говорит не только о верхушке общества, не только о знати, но и тех, кто нес на себе все тяготы феодального строя: «Солнце розе и навозу шлет равно свои лучи». Взяв эти слова в контексте, мы увидим, что речь идет о том, что солнце не делает разницы между теми, которые, подобно розе, украшают своей красотой царский сад и теми, кто для этих роз является только удобрением.

Примером глубокой мудрости и справедливости сентенций Руставели является также замечательное четверостишие: «Сердце, разум и познание цепью связаны одной, если сердце исчезает, остальных берет с собой».

Все эти суждения, эти афоризмы рисуют фигуру Руставели необыкновенно возвышенной и благородной.

В качестве одного из главных требований, которые Руставели ставит перед поэтом, было соблюдение чувства меры. Подражатели, интерполяторы Руставели в значительной степени испортили, нарушили именно соблюдение меры, как это делали многие восточные писатели. Это свидетельствует, конечно, о том, что Руставели был исключительно популярен среди своего народа, но не все его подражатели были наделены чувством меры.

Стихи Руставели так выдержаны и совершенны, что, читая поэму по-грузински, при переходе к строкам, сомнительным по содержанию, сомнительным по принадлежности Руставели, вы сразу останавливаетесь, так как стих совершенно другой. Не размер, а другая полнота и звуковое богатство грузинской речи,—а богатством грузинской речи в форме аллитераций Руставели владел в совершенстве.

Так как в грузинской поэзии, как и в поэзии армянской или любого другого закавказского народа, ничего равного поэме Руставели нет, то, если можно сравнивать его творение с чем-либо более или менее ему современным, приходится выйти за пределы культурного обихода народов Закавказья, и, прежде всего, обратиться к тем поэтам, которых Руставели хорошо знал, в частности, к Хакани и Гургани.

Очень резко бросается в глаза совершенно различное отношение Руставели и Гургани к поступкам своих героев.

Это различие бросается в глаза, и, действительно, Персии XI века был свойствен моральный упадок, от чего Грузия XII века была свободна. Но главные причины расхождения этих двух поэтов в том, что один, будучи придворным, описывал идеализированные черты окружающего его мира, а другой, будучи выходцем из народных низов, отражал эту верхушку общества по своему, отнюдь не в радужных красках. Здесь, наконец, сказывается и разница в мировосприятии самих поэтов.

Творение Руставели представляет особенно большую ценность, если мы сравним обстановку Грузии и миропонимание передового

человека Грузии, нарисованные Руставели, с тем, что было в это время или вскоре на Западе.

Когда Н. Я. Марр задумал изучить вступительные строфы Руставели к его поэме «Витязь в барсовой шкуре», он перелистал целый ряд книг, говорящих о положении женщины на Востоке, и в числе других работ ему попала статья Ходько, востоковеда середины XIX века, где в самых мрачных тонах изображались положение и роль женщины в восточном обществе, исходя из тех представлений, которые возникли и сложились о мусульманских народах Востока,— тут были и приниженность, и рабское положение женщины,—одним словом, все то, что обычно говорили по поводу положения женщины на Востоке, исходя из тех наблюдений, которые можно было тогда сделать.

Но Ходько упустил, что в довольно ранние периоды, по сравнению с тем, что можно было наблюдать позднее, мы имеем целый ряд примеров исключительно почетного положения женщины на Востоке, что не говорит, конечно, о том, что женщина была свободна и не находилась в порабощенном состоянии; конечно, она была закабалена домашними работами и другими обязанностями, не имея никаких прав. Но Ходько забыл о двух царствованиях на сасанидском престоле, забыл о царице Тамаре и о многих других в конце XII и начале XIII века.

Марр старался в каждом слове Руставели, в каждом сочетании слов, в каждой мысли Руставели найти возражение (Ходько—И. М.), и слова, и мысли Руставели дали Марру возможность нарисовать совершенно новые, до сих пор неизвестные картины развитой жизни рыцарства, именно в смысле рыцарства верхушки, феодального общества, связанного с двором.

В поэме Руставели Марру удалось вскрыть целый ряд черт придворной поэзии Грузии того времени, которые характеризуют положение женщины, не только занимающей престол, но и рядовой женщины, например, Асмаг, верного друга Таризла, главного героя. Она сопровождает ему в его блужданиях по свету, будучи его названной сестрой.

Все это было выражено Марром в его замечательной работе, проделанной в тесном и повседневном общении с лучшим знатоком и специалистом поэзии трубадуров и менестрелей Запада—В. Ф. Шишмарёвым. Вскрыто было очень много интересного. Если отрешиться от исторической перспективы, можно было бы думать, что отдельные творения западных менестрелей сложились под впечатлением переводов стихов из поэмы Руставели, или, что более приятно было для старой науки, что грузинские поэты тогда, в XII веке, знали переводы еще не написанных творений французских трубадуров и менестрелей.

Эта сторона высших кругов общества Грузии была раскрыта с исключительной полнотой, причем в поэме Руставели, кроме тех моментов идеализации, о которых уже говорилось, были вскрыты черты, характеризующие степень связанности грузинской женщины XII

века со всеми высшими по тому времени достижениями и науки, и поэзии, об их начитанности, знакомстве с научными достижениями.

Все это совершенно отчетливо сказывается в поэме, особенно там, где Руставели характеризует Тинатин, предмет любви Автандила (возлюбленной ее назвать нельзя), арабскую царевну—образ просвещенной женщины, начитанной и свободной в своем обществе, связанном с придворными кругами, в окружении рыцарей и князей.

Это представляет особенно большой интерес, и когда знакомишься с этой стороной поэмы, сразу чувствуешь, как глубоко противостоит тогдашний Запад тогдашней Грузии. Следует помнить, что творения Руставели лет на 150—200 предшествовали провансальской поэзии.

Поэтому совершенно естественно, что до 1945 г. не говорилось о каком-либо Ренессансе—Возрождении или Предвозрождении в странах Востока и только теперь вскрыты некоторые явления, ознакомление с которыми могло представлять интерес не только для специалистов по истории Ближнего и Среднего Востока.

Я имею ввиду пробуждение самосознания низов народа, которым характеризуется конец XII и начало XIII веков, что нашло выражение в поэзии на персидском языке в творениях поэтов Низами и Хакани, на армянском языке в народном басенном творчестве—в составлении сборника «Притч Вардана», где характеризуются и народные низы, и феодальная верхушка, и степень осознания народных низов несправедливости существующего строя, опособов и методов борьбы с этой несправедливостью.

Если учесть отдельные высказывания поэтов Низами и Хакани о западных захватчиках, то понятно будет, какое значение приобретает вся поэма (Руставели—И. М.), в частности, отдельные моменты, характеризующие среднее грузинское общество,—поэма, направленная на воспитание верхушки общества и создание более благоприятных условий для жизни народных низов.

Работа над вступительными строфами «Витязя в барсовой шкуре» дала еще один очень важный итог: были установлены те приемы филологической критики, которые должны быть применены ко всей поэме Руставели для того, чтобы отделить и очистить ее от позднейших привнесений.

В числе афоризмов Руставели есть одно замечательное суждение: овинец, при всей мягкости, помогает дробить самый твердый алмаз. Если учесть, что здесь Руставели исходил из совершенно определенных технических достижений Востока того времени, а именно, что алмаз при первоначальной огранке должен быть положен на наковальню из свинца, то сразу делается реальной эта сентенция Руставели, который этим примером говорит о том, как должен работать поэт.

Приведенный пример со свинцовой наковальней, при несомненной принадлежности Руставели к верхушке феодального общества, где он занимал исключительно передовое, прогрессивное для своего времени положение, показывает, что он не чужд был реальной жизни и знанию тех технических приемов, которые применялись в Грузии и в других странах Закавказья.

С Руставели, — на основе учета его афоризмов, — связано представление не только как о великом поэте, но и как о замечательном учёном, который, уйдя под конец жизни в монашескую келью, жил далеко от Грузии, в одном из городов Святой земли, где сохранился его портрет в образе уже престарелого монаха. Такой конец жизни дала легенда величайшему грузинскому поэту Руставели. Может быть, в этом есть определенный смысл.

Все то количество жизненной мудрости, которое выражено в афоризмах Руставели, в афоризмах самых разнообразных по характеру и содержанию, но всегда полных самых лучших стремлений вперед, ко благу всех слоев населения, все это привело к тому, что на основании этого сложился образ мудреца, ушедшего под конец жизни для постижения полной и совершенной мудрости в монастырь, — по тому времени это вполне понятно.

Но по складу своего миропонимания Руставели к монашеской жизни не был склонен, и вопрос не только в том, что он не упоминает имени бога, а в том, что он чувствует себя свободным от всякого рода религии, от всякого божества, управляющего судьбами мира.

Поэма Руставели написана по-грузински, написана блестящим поэтом Грузин, перенёсшим действие в далекие страны для создания своего рода утопии, направленной к исправлению нравов высшего общества, в котором вращался грузинский поэт.